07.00.02 Отечественная история

УДК 297.17

DOI 10.22311/2074-1529-2020-16-2-139-158

А. Ю. Хабутдинов

Казанский филиал ФГБОУ ВО

«Российский государственный университет правосудия»; ФГАУ ВО

«Казанский (Приволжский) федеральный университет», г. Казань

М. М. Имашева

ФГАУ ВО Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань

М. М. Хабутдинова

ФГАУ ВО Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань

ТАТАРСКИЕ СЛОБОДЫ КАЗАНИ И АСТРАХАНИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII — НАЧАЛЕ XX В.: КУЛЬТУРА И РАЗВИТИЕ

ХАБУТДИНОВ Айдар Юрьевич —

д-р. ист. наук, проф. Казанский филиал Российского

государственного университета правосудия

(420053, Россия, Республика Татарстан, г. Казань, Ново-Азинская ул., 7а);

Казанский (Приволжский) федеральный университет

(420008, Россия, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Пушкина, 1/55).

E-mail: aihabutdinov@mail.ru

ИМАШЕВА Марина Маратовна —

д-р ист. наук, доц. каф. исторического

и обществоведческого образования.

Казанский (Приволжский) федеральный университет

(420008, Россия, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18).

E-mail: imaschewa@yandex.ru

ХАБУТДИНОВА Милеуша Мухаметзяновна —

канд. филол. наук, доц. каф. татарской литературы.

Казанский (Приволжский) федеральный университет

(420008, Россия, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18).

E-mail: mileuscha@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается история формирования и развития культурных ландшафтов двух самых крупных городских татарских общин дореволюционной России — казанской и астраханской. И Астрахань, и Казань — это два центра тюрко-татарского мира, городская цивилизация в которых развивалась еще в период Золотой Орды, ставших после ее распада столицами самостоятельных татарских государств-ханств и оказавшихся в середине XVI в. в составе Российского государства. Татарское население Астрахани и Казани в российский период стало неотъемлемой составной частью городского социума. Во второй половине XVIII — начале XX в. в обоих городах образовались татарско-мусульманские общины, которые располагались на обособленной территории, имели свое культурно-национальное своеобразие и население, стремившееся сохранять и развивать свою этноконфессиональную идентичность. Все эти обстоятельства сформировали особый культурный ландшафт татарской слободы в границах губернских российских городов в период Нового времени.

Ключевые слова: культурный ландшафт, татарская слобода, татарская городская община, махалля, мечеть.

Для цитирования: Хабутдинов А. Ю., Имашева М. М., Хабутдинова М. М. Татарские слободы Казани и Астрахани во второй половине XVIII — начале XX в.: культура и развитие // Ислам в современном мире, 2020; 2: 139-158;

DOI: 10.22311/2074-1529-2020-16-2-139-158;

Статья поступила в редакцию: 09.04.2020

Статья принята к публикации: 01.06.2020

Приступая к написанию этой статьи, мы исходили из понимания того, что культурный ландшафт — это прежде всего сложная территориальная система, в пределах которой человек является и носителем неких культурных ценностей (хозяйственных, культурных, духовных), и гарантом их сохранения. И система эта в нашей многонациональной стране в течение столетий имела четко определенную этноконфессиональную окраску.

Татары — вторая по численности нация в составе РФ — имеют богатую историю, отложившуюся в материальной и духовной культуре народа. В течение столетий находившимся в орбите русской православной

государственности татарам удавалось сохранять и развивать свое этническое и конфессиональное своеобразие. Одним из проявлений этого процесса стало формирование в российских городах уникальных культурных ландшафтов, которые сегодня обобщенно называют городскими татарскими слободами. Наиболее значимыми из них в Поволжье нам представляются казанская и астраханская.

Во второй половине XV — первой половине XVI в. города Казань и Астрахань после распада Золотой Орды становятся центрами постордынских самостоятельных государств-ханств. Важные в стратегическом и экономическом отношении крупные города со значительным населением в течение всего периода существования этих тюркско-татарских государств были признанными центрами международных политических и экономических отношений.

Тюрко-татарское население ханств сумело создать развитую городскую культуру со всеми присущими ей характеристиками. Крепостные сооружения, дворцы ханов и богатые усадьбы аристократии, кварталы ремесленников, большие базары и торговые пристани, караван-сарай, мечети и медресе составляли архитектурный облик Астрахани и Казани в этот период. Города стали центрами развития мусульманской духовной культуры, что выразилось прежде всего в развитии исламского богословия, художественной литературы на тюркском языке¹.

Вся территория Нижнего и Среднего Поволжья в ханский период признавалась одним из центров мусульманского мира, местом компактного проживания тюрко-татарской этнической общности. Российское государство, завоевав Поволжье, естественно включило в свой состав не только территорию ханств, но и их татаро-мусульманское население. В том числе, татарское население, которое сохранилось в городах². Вместе с тем завоевание Казанского и Астраханского ханств Московской Русью в 1550-е гг. привело к переводу мусульман с мест, где исторически размещались центры городской жизни тюрко-татар, в специально организованные российским правительством кварталы, которые в последующем трансформировались в татарские слободы этих городов.

Поскольку Казань и Астрахань стали ключевыми крепостями для Российского государства в Поволжье и одновременно экономическими центрами (особенно на Волжско-Каспийском торговом пути), то их кремли-крепости, стали опорными пунктами государственной власти, армии и православной церкви, а мусульманское население бывших столиц ханств прежде всего стало выполнять функции торговцев

¹ Крамаровский М. Город и городская жизнь в Золотой Орде // История татар с древнейших времен: в 7 т. Т. 3. Казань: ИИ РТ, 2009. С. 567–588.

² Зайцев И. В. Астраханское ханство. М.: Вост. лит., 2004. С. 198.

и переводчиков-толмачей. Кроме того, мусульмане-ремесленники до формирования русской инфраструктуры в завоеванных городах были необходимы администрации в хозяйственной жизни.

Так мусульманское городское население (несмотря на определенное неприятие сложившейся ситуации со стороны клерикальных православных кругов) стало составной частью городского населения русских городов. Обусловлено это было и политическими причинами. Ведь, несмотря на переход всего Волжского пути под контроль Московского государства уже в 1550-е гг., Поволжье, к югу от впадения Камы в Волгу, оставалось зоной восстаний, набегов со стороны оставшихся независимыми постордынских государств и Турецкого государства на протяжении еще очень длительного времени. В этой ситуации наличие татарских общин в городе (тем более расположенных за пределами крепостных стен и уязвимых) могло служить своеобразной гарантией того, что противник не будет стремиться к уничтожению своих единоверцев и тем самым будет спасено и русское население городов при нападении¹.

Только после создания Оренбургской черты, то есть оборонительной линии по реке Урал в 1730-е гг., была решена проблема набегов кочевников, которые еще в 1700-е гг. доходили до юго-востока современного Татарстана. В Заволжье и на Южном Урале три первые четверти XVIII в. — это период непрекращающихся восстаний, итог которых подвела Пугачевщина в 1773–1775 гг.

Расширяются границы государства, в том числе и за счет присоединения Крымского ханства в 1783 г. Россия обретает наконец-то выгодный торговый путь через Черное море, и Волжско-Каспийский торговый путь перестает быть единственно важным во взаимоотношениях с восточными государствами. Казалось бы, в этот момент нужда правительства в татарских городских общинах отпадает. Но к тому времени татарские слободы в русских городах, включая Казань и Астрахань, уже стали неотъемлемой составной частью социоэкономического пространства, их население оказалось интегрированным в него. Определелись границы компактного проживания татарского населения, оформился оригинальный культурный ландшафт татарских кварталов².

Между тем восстания, известные прежде всего как «башкирские», в условиях непрекращающихся войн с Османской империей в XVIII в., приводили к ужесточению государственной политики в отношении мусульман Волго-Уральского региона, что сопровождалось рядом насильственного крещения, особенно усилившихся в связи с деятельностью

¹ *İnalçık, Halil.* Osmanlı-Rus Rekabetinin Menşei ve Don-Volga Kanalı Teşebbüsü (1569). Belleten. 1948. № 12. S. 349–402.

² *Хабутдинов А. Ю.* Институты российского мусульманского сообщества в Волго-Уральском регионе. М.: ИД Марджани, 2013. С. 89–91.

Конторы новокрещенских дел в 1740 — первой половине 1750-х гг., когда было уничтожено 418 из 536 мечетей Поволжья.

В ситуации, когда мечети периодически разрушались, сами мусульмане были вынуждены менять место жительства. Классический пример нестабильности в территориальной локализации махаллей связан с мусульманской общиной Казани, вынужденной после пожара 1749 г. сменить район своего проживания, так как ей не предоставили возможность восстановить мечеть¹.

Формальное разрешение на строительство двух мечетей в Казани, данное по Указу Сената в 1744 г., не было реализовано на деле до визита Екатерины II в Казань в 1767 г. Уже во второй половине XVIII в. татары окончательно определились с местом проживания в границах городской черты и расселились на определенной территории на окраине Казани, образовав сначала Старую, а затем и Новую татарские слободы². Селились в слободах по преимуществу татары, но также и представители других тюрко-мусульманских народов, которые занимались прежде всего торговой деятельностью, а затем включились в мануфактурное и промышленное производство.

После вхождения Астраханского ханства в состав России, со второй половины XVI до конца XVIII в. русский город Астрахань стал главными торговыми воротами на Восток. Главную роль в этой торговле стали играть купцы-мусульмане (или восточное купечество, согласно официальной делопроизводственной документации), которые, обосновавшись в городе, создали свои торговые корпорации, расположенные на специально выделенной городскими властями окраинной территории, впоследствии ставшие центром формирования астраханской городской мусульманской общины. Это были гостинные дворы — караван-сарай (Бухарский, Агрыжанский, Гилянский) — и татарские переселенческие слободы (Казанская татарская слобода и слобода юртовских татар — Тияк)³.

Внешняя торговля сосредоточилась в руках мусульман прежде всего потому, что ее контрагентами в азиатских странах выступали мусульмане Прикаспия и Средней Азии, которые больше доверяли своим единосверцам, обладавшим знанием языков (арабского, фарси, различных

¹ Саначин С. Выявление месторасположения мечетей Казани елизаветинского времени (40–50-е гг. XVIII в.) // Мечети в духовной культуре татарского народа (XVIII в. — 1917 г.): материалы Всероссийской научно-практической конференции 25 апреля 2006 г., г. Казань. Казань: Институт истории АН РТ, 2006. С. 25–42.

² Измайлов Б. И. Татарская община г. Казани и российская власть: модели и механизмы реализации имперской политики в эпоху Екатерины II // Вторые Кремлевские чтения: материалы Всероссийской научно-практической конференции «Екатерина II и имперское многообразие России: опыт политического и культурного взаимодействия». Казань, 25–26 сентября 2009 г. / под ред. И. Р. Миннуллина. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2010. С. 86–95.

³ Рахимов И. С. Общественная и просветительская деятельность Абдурахмана Умерова (1867–1933): дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2013. С. 20.

тюркских), религии ислам и мусульманского права. Российских татар охотно нанимали приказчиками и русские купцы для торговли с Востоком, так как порядок пошлинного обложения здесь зависел не от подданства торговца, а от его конфессиональной принадлежности. Соответственно российские мусульмане подлежали льготному обложению, в отличие от русских православных купцов.

Следует также отметить, что в силу политических и экономических причин в течение XVII–XVIII вв. татарские слободы Астрахани и Казани заселялись не столько по этническому (несмотря на название), сколько по конфессиональному признаку. Вплоть до рубежа XIX–XX вв. определяющим фактором была религиозная, а не этническая принадлежность. Тем не менее и в Астрахани, и особенно в Казани татары стали доминирующим этническим компонентом, что определило и городскую «татарскую» топонимику, и уникальный культурный «татарский» ландшафт, выразившийся в культовой и светской архитектуре, формировании и функционировании общественных и культурно-просветительских институтов. Определяющую роль в развитии городских татарских общин играла национальная буржуазия, которая задавала тон и была спонсором всех общественно значимых проектов.

Дело в том, что модель ликвидации мусульманского феодального сословия служилых татар и замена его буржуазией в лице купцов, объединенных в татарские ратуши (татарские управы) Казани, Астрахани и Каргалы под Оренбургом, стала основой для взаимодействия между Российским государством и элитой мусульманской этноконфессиональной общины, известной как мусульмане-татары¹.

Следует отметить, что комплексное исследование опыта татарских слобод как Европейской, так и Азиатской России во 2-й половине XVIII — начале XX в. пока не производилось. В 6-м томе «Истории татар» этой тематике посвящен один из параграфов, в котором делается попытка определить признаки «мусульманской (татарской) общины-города» и даются краткие сведения о численности и профессиональной занятости татар-горожан и частично об образовательной, культурной и общественной инфраструктуре².

Татарские слободы являлись неотъемлемой частью соответствующих российских городов, обладавших административным и экономическим единством, строго подчиненным центральной власти. Поэтому говорить о «мусульманской (татарской) общине-городе», как о городе не имеет смысла. Определенными признаками самостоятельной городской общины обладала только Сеитова слобода, или Каргала под

¹ Хабутдинов А. Ю. Институты российского мусульманского сообщества в Волго-Уральском регионе. М.: ИД Марджани, 2013. С. 91–92.

² Загидуллин И. Мусульманские (татарские) общины-города // История татар с древнейших времен: в 7 т. Т. 6. Казань: ИИ РТ, 2013. С. 74–75.

Оренбургом. Но и ее существование было бы невозможно без близости к такому крупнейшему административному центру края и одновременно ключевому центру экономических и транспортных связей с Центральной Азией, как Оренбург.

А вот в Казани и Астрахани сформировались уникальные исторические татарские городские общины, которые, не соответствуя характеристике «общины-города», вполне вписывались в концепт «культурного ландшафта» как базового понятия о культурной среде, сформированной как географическими, так и историческими этноконфессиональными реалиями¹.

Процесс начала их формирования в обоих городах относится ко второй половине XVIII в., а завершение — на предреволюционный период, на который приходится пик развития татарской культуры и общественного движения. Завершение процесса было ознаменовано окончательным оформлением архитектурно-территориального своеобразия мест компактного расселения татар-мусульман, а также созданием в этот период важнейших общественных институтов мусульманской локальной общины (национальных обществ, системы национального начального образования, благотворительных организаций, органов периодической печати и т. д.).

По переписи 1897 г. мусульманское население Казани составило 28 520 человек, Астрахани — 16 959 человек, т. е. они представляли собой самые крупные городские татарские общины Российской империи². Эти общины, несмотря на включенность в социоэкономическое пространство губернских городов, на протяжении десятилетий сохраняли свое этнокультурное своеобразие. Здесь разговаривали на татарском языке, учили детей исключительно в этноконфессиональных начальных учебных заведениях, праздновали мусульманские праздники, отстаивали интересы своей общины, строили культовые и жилые здания, основываясь на национальных и исламских традициях.

Постараемся проанализировать, какой культурный ландшафт формировала мусульманская община каждого из этих губернских российских центров³.

В Казани после завоевания Казанского ханства в 1552 г. мусульманское население из района современного Кремля и холмов над озером Ближний Кабан переместилось в низинную часть, обосновалось за Булаком и озером Ближний Кабан в стороне Волги. Татарская слобода

¹ Дахин С. Д. Историко-культурный ландшафт как основа комплексного анализа материального культурного наследия поликультурного региона // Теория и практика общественного развития. 2012. № 3. С. 187–188.

² Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика) / сост. и авт. введ. ст., коммент. и прил. Д. Ю. Арапов. М.: МГУ, 2001. С. 324–326.

³ Там же. С. 75.

пережила ряд переселений и ко второй половине XVIII в. закрепились на современном месте. Екатерина II (1762–1796) пошла на компромисс в двух ключевых вопросах: в обеспечении свободы вероисповедания в рамках единой религиозной администрации в лице ОМДС и создании привилегированных групп мусульманского сообщества в Волго-Уральском регионе. В 1767 г. было разрешено строительство двух каменных мечетей в Казани (1-го прихода — «Марджани» и 2-го прихода — «Апанаевской»), которые расположены рядом с озером Ближний Кабан и до сего дня образуют ось мусульманских культовых объектов на улице К. Насыри¹.

С этого времени и можно говорить о формировании культурного ландшафта татарской городской общины Казани. Первые две мечети стали своеобразным символом возрождения ислама. Тогда же был задан импульс и для возрождения и развития тюрко-исламского образования в Поволжье (традиции которого были прерваны в середине XVI века). При первых двух каменных мечетях были открыты медресе Старотатарской слободы Казани. При Галеевской мечети (1798 г.) было открыто Сагитовское медресе².

На рубеже XVIII–XIX вв. также были выстроены и открыты мечети и медресе в Новотатарской слободе. Здесь в этот период были открыты три медресе: при мечети «Иске-Таш»; при «Низенькой Бухарской» (1786 г.), то есть еще до строительства каменного здания мечети; в 1808 г. — при Белой мечети³.

К 1820-м гг., уже через 50 лет после разрешения на строительство в Казани двух каменных мечетей, можно говорить о создании городской инфраструктуры мусульманского образования в виде медресе при каменных мечетях. Они стали центрами религиозного образования, формировавшими в том числе и культурный код этноконфессиональной идентичности в месте компактного проживания мусульман Казани, имеющий и материальную (архитектура культовых и жилых зданий), и духовную (российская мусульманская богословская традиция, система мусульманского образования) составляющие.

Уже в конце XIX в. рамках джадидского реформаторства⁴ российские мусульмане приступили к основанию благотворительных обществ,

¹ Салихов Р. Р., Хайрутдинов Р. Р. Исторические мечети Казани. Казань: Тат. кн. изд-во, 2005. С. 10–17.

² Хабутдинов А. Ю., Салихов Р. Р., Хайрутдинов Р. Р. Медресе Сагитовское // Ислам в Татарстане: энциклопедический словарь. М.: ИД «Медина», 2017. С. 148.

³ Медресе г. Казани XIX — начала XX в.: сб. документов и материалов. Казань: Гасыр, 2007. С. 13–14.

⁴ Джадидизм (от араб. *джадид* — «новый») — общественное движение российских мусульман. Происхождение термина связано с внедрением в обучение *усулджадида* (нового метода), одного из важнейших элементов реформы образования. Джадидизм представлял собой реакцию мусульман России на развитие индустриального общества, буржуазные реформы, попытки введения представительного правления и всеобщего образования.

издательств, типографий и т. п., шла реформа образования в медресе. Татарская буржуазия включилась в создание и реализацию новых общественных проектов, многие из которых дополнили культурную инфраструктуру татарской общины Казани.

Центром интеллектуальной тюрко-мусульманской мысли стало медресе «Марджания», во главе которого во второй половине XIX в. находился «отец татарской истории», философ, богослов Шигабутдин Марджани. Название «татарский университет» закрепилось за медресе «Мухаммадия» («Галеевское») — при 5-й соборной («Галеевской») мечети в Казани. Оно было учреждено в 1882 г. имамом при 5-й соборной мечети г. Казани Галимджаном Мухамметзяновичем Галеевым (Баруди) и его отцом купцом Мухамметзяном Галеевым, в честь которого и получило свое название (1883 г.)¹.

Развитие пароходного сообщения в Волго-Камском речном бассейне, строительство железной дороги до Казани, завершенное в 1893 г., расширили доступность этого волжского города и, соответственно, его медресе. Мусульмане-тюрки со всей Российской империи (и особенно из поволжских губерний, казахского и северокавказского пограничья) устремились в казанские медресе за религиозными знаниями.

Если мечети, медресе были объектами традиционной мусульманской инфраструктуры, то первым объектом светской культурной направленности стала Азиатская типография («Гимназическая типография») в Казани, созданная в соответствии с указами Павла I от 9 мая и Правительствующего Сената от 18 сентября 1800 г. в целях удовлетворения спроса на мусульманские религиозные книги по обращениям татар Казанской, Оренбургской губерний и ОМДС².

Уже на рубеже XIX–XX вв. совершенствование издательского дела в структуре городской общины стало фактором развития книжной печатной культуры всей татарской нации. А материальным воплощением ее стали татарские типографии, самой знаменитой из которых считался книгоиздательский и торговый комплекс братьев Каримовых (1883 г.). В 1901–1917 гг. здесь было выпущено 1763 издания, что составило более 20 млн экземпляров. В угловом здании этого комплекса, на первом этаже, в 1906–1929 гг. размещалась первая библиотека татарской книги «Китапханаи Исламия» («Исламская библиотека»), организатором которой был педагог и журналист Ахмад Хади Максуди³.

¹ Хабутдинов А. Ю. Институты российского мусульманского сообщества в Волго-Уральском регионе. С. 114–118.

² Каримуллин А. Г. У истоков татарской книги: (От начала возникновения до 60-х годов XIX в.). Казань: Таткнигоиздат, 1971. С. 9–12.

³ Салихов Р. Р., Хайрутдинов Р. Р. Республика Татарстан: Памятники истории и культуры татарского народа (конец XVIII — начало XX в.). Казань, 1994. С. 69–71.

Еще одно культурное достижение городской общины — становление и развитие национальной благотворительности. Центром мусульманской общественности главного города татар стало «Общество пособия бедным мусульманам г. Казани» (1898–1917 гг.). Его инфраструктуру составляли детский приют с двумя школами, богадельня, амбулатория и родовспомогательное отделение. Среди 87 аналогичных российских мусульманских благотворительных организаций по величине капитала казанское занимало 1-е место¹.

В период революции 1905–1907 гг. особняки татарских купцов превратились в места, где проходили собрания политически активной части общества, включая имамов, богатых купцов, светскую интеллигенцию, шакирдов медресе. Так, 10 ноября 1905 г. в доме Ахмед-бая Хусаинова (ул. Марджани, 42) состоялось собрание, где рассматривался вопрос о присоединении татар к одной из общероссийских политических партий после ознакомления с их программами².

В период революции 1905–1907 гг. мусульмане-татары получили разрешение на учреждение периодических изданий («Казан мухбире», «Йолдыз», «Ахбар», «Баян ул-хак», «Ал-Ислах» и др.). Их редакции также превращались в центры общественной жизни.

Роль культурного центра Старотатарской слободы выполнял трехэтажный кирпичный дом купца Карима Апанаева. Здесь в 1910–1917 гг. находился «Восточный клуб», созданный 1 декабря 1907 г. татарской интеллигенцией в целях пропаганды и развития национального театра, литературы, музыки. На первом этаже дома располагались правление клуба, гардероб и касса, а на втором — зрительный зал с просторной сценой на 150 мест, комната для игры в лото и русско-мусульманская библиотека с читальней (заведующий Г. Шараф). «Восточный клуб» проводил лекции, диспуты, концерты, ставил спектакли, в том числе и на русском языке.

Другим примером развития культурного ландшафта городской татарской общины стала Астрахань. Впрочем, сценарий его формирования и развития практически идентичен казанскому, но, безусловно, вторичен по отношению к нему. Практически все проекты культурно-национального своеобразия (особенно во второй половине XIX — начале XX в.), транслировались в Астрахань из Среднего Поволжья, тем более что свыше 85% населения астраханской татарской городской общины (историческое название — махалля) составили переселенцы из средневожских и приуральских губерний³.

¹ Салихов Р. Р., Хабутдинов А. Ю. Общество пособия бедным мусульманам г. Казани // Ислам в Татарстане: энциклопедический словарь. М.: ИД «Медина», 2017. С. 185–186.

² Хабутдинов А. Ю. Формирование нации и основные направления развития татарского общества в конце XVIII — начале XX в. Казань, 2001. С. 176.

³ Викторин В. М. Ислам в Астраханском регионе. М.: Логос, 2008. С. 18.

В 1558 г., в 12 километрах ниже покоренной и разрушенной ханской столицы русские переселенцы приступили к строительству нового города со старым названием — Астрахань. Изначально город задумывался как форпост в пограничной зоне для противодействия попыткам Крымского ханства, ногайцев и турок вернуть завоеванные русским царем земли. В связи с этим город был закрыт для мусульманского населения. Но уже в 1560–1570-е гг. встал вопрос о развитии международной торговли с прилегающими к Каспийскому морю странами и территориями, и Астрахань стала главным торговым центром на юге России¹.

В конце XVI века, как мы упоминали выше, Россия вынуждена была обратиться к восточному купечеству с тем, чтобы наладить торговлю с азиатскими странами. В этой ситуации в Астрахани, которая до 1770-х гг. оставалась главными восточными торговыми воротами страны, возникла торговая колония мусульманских купцов. По инициативе самого российского правительства были основаны караван-сарай — гостинные дворы для торговцев из Средней Азии (сартов) и Персии и Закавказья («кызылбашей»)².

Местные, юртовские татары из прилегающих к городу сел Мошак и Тияк (вошли в городскую черту в начале XX века), также частично переселялись в город, активно вступали в браки с представителями среднеазиатского и закавказского купечества. В итоге сформировалась полиэтническая община, которая в восприятии российских властей считалась «татарской». Таким образом, полиэтнический, конфессионально-мусульманский характер формирования городской общины на начальном этапе в Астрахани прослеживался более явно.

К середине XVIII в. население Гилянского, Бухарского и Агрыжанского гостинных дворов компактно расселилось в кварталах за «Канавой» — искусственным каналом, прорытым в 1722 г. в целях облегчения городской торговли, и разделившим город на центральную (русскую) и «заканальную» (татарскую) части. Здесь еще в середине XVII века были выстроены мечети, располагались торговые ряды и лавки мусульман, был организован старейший рынок с говорящим названием «Татар-базар», сохранившийся до наших дней.

В 1780-е гг., когда Российская империя потеряла интерес к Астрахани как к центру российско-азиатской торговли, был запущен процесс сословной идентификации мусульманского населения города. По инициативе екатерининского правительства, закреплённой в законодательстве Павла I, мусульманское население города было записано

¹ Имашева М. М. Вопросы русско-азиатской торговли через Астрахань в первой половине XIX века. Саратов: Изд-во СГАУ, 2010. С. 18.

² Персы и азербайджанцы-шииты традиционно окрашивали голову и бороду хной, что придавало волосам красноватый оттенок, отсюда и название — «кызылбаш», в переводе — красная голова.

в общество Татар Трех Дворов¹. Уже тогда языком общения и делопроизводства в Астраханской татарской управе, поставленной над обществом, стал татарский язык. В 1870-е гг. все жители Трех Дворов были переведены в статус астраханских мещан.

На рубеже XVIII–XIX вв. в Астрахань устремился поток татар-переселенцев из средневожских и приуральских губерний, которые в начале XX века составили основную часть мусульманского населения города. Именно в это время за территорией бывшего общества Татар Трех Дворов – пятым и шестым участками Астрахани, прочно закрепилось название Татарская махалля.

Как и в Казани, символом культурной идентичности, своеобразным архитектурным символом городской общины стали мечети. Источники сообщают, что в 1620 г. ногайский саййид (т. е. потомок пророка Мухаммада из ветви, восходящей к его внуку Хусайну) Сайф ад-дин построил деревянную мечеть в Астрахани². В 1616 г. упоминается мечеть на Гилянском дворе Астрахани. Она была построена персами-торговцами (а значит, являлась, скорее всего, шиитской)³.

Эвлия Челеби, побывавший в Астрахани в 1666 г., сообщал, что в «Посаде» или «Нижнем городе» он насчитал 7 мечетей⁴. По сведениям С. Г. Гмелина, побывавшего в Астрахани в 1769–1770 гг., в Агрыжанской, Бухарской и Гилянской слободах Земляного города было 4 мечети, а в предместье города — в Царевской слободе (селении Тияк) — еще 15⁵. И, в отличие от Казани, разрушениям они не подвергались.

В 1810–1820-е гг. астраханская татарская городская община приступила к строительству каменных мечетей. В 1810 г. была построена Белая соборная мечеть, в 1817–1819 гг. — Черная мечеть. Они задали направление для развития оригинального типа астраханской каменной мечетной архитектуры, аналогов которой нет ни в России, ни в мире. Тогда же при мечетях были открыты мектебе, в которых обучались дети мусульман⁶.

В конце XIX — начале XX в. в городе были выстроены еще три каменные мечети — Красная («Вагабия»), 1898 г.; Красная на рынке Большие Исады, 1897 г., Криушинская, 1912 г.

¹ Имашева М. М. О предпринимательстве татар Бухарского, Гилянского и Агрыжанского дворов в конце XVIII — начале XIX вв. // Каспийский регион. Политика, экономика, культура. Астрахань, 2012. — № 3. С. 40–50.

² Трепавлов В. В. История Ногайской Орды. — М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2002. С. 569.

³ Зайцев И. В. Астраханское ханство. М.: Вост. лит., 2004. С. 202.

⁴ Челеби Эвлия. Книга путешествия (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). Вып. 2 / сост. и отв. ред. А. Д. Желтяков. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1979. С. 132.

⁵ Гмелин С. Г. Путешествие по России для исследования трех царств природы. Ч. II. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1777. С. 146, 163.

⁶ Имашева М. М. Белая «татарская» мечеть города Астрахани // Эхо веков. Казань, 2017. № 3–4. С. 49–54.

Всего в предреволюционный период в Астрахани действовало 14 суннитских приходов. Деревянные (9) и каменные (5) мечети располагались на территории махалли, на улицах с говорящими названиями Мечетных и Поперечно-Мечетных.

При всех городских мечетях действовали мектебе, при трех — медресе. Знаменитыми на всю Россию учебными заведениями стали кадимистское¹ медресе при мечети «Вагабия» и джадидское медресе «Низамия» при приходе Зеленой мечети, которое основал и возглавил Абдурахман Умеров — ученик Шигабутдина Марджани.

На рубеже XIX–XX вв. астраханская городская татарская община активно включилась в общественные процессы, происходившие в мусульманском мире России. В 1897 г. здесь была образована благотворительная организация «Попечительство о бедных татарах г. Астрахани». При ней действовала начальная школа и детский приют на 10 мест. Общество стало первым опытом мусульманской благотворительности в регионе.

В годы Первой русской революции в Астрахани возникли два культурно-просветительских общества «Шурай-Ислам» и «Джамияти-Исламия», которые инициировали и реализовали целый ряд социально-значимых программ развития махалли. Общество «Шурай-Ислам» приобрело собственное здание, которое стало настоящим «татарским клубом» в регионе. Здесь собирались наиболее активные члены общины, обсуждались насущные вопросы развития российской уммы, проводились благотворительные вечера и концерты на татарском языке.

Оба общества создали свои печатные органы — газеты «Бургани-Таракки» и «Идель», которые быстро вышли за региональные рамки и стали органами татарской периодической печати общероссийского масштаба. Общества также развивали идеи необходимости всеобщего начального образования для мусульман на родном языке, ими были основаны школы вне рамок конфессиональной общины.

Примечательно, что руководители обоих обществ — Мустафа Измаилов и Абдурахман Умеров — основали собственные типографии. Типография А. Умерова также приобрела общетатарский характер. Здесь печаталась религиозная, художественная, публицистическая, учебная литература на татарском языке².

После Октябрьской революции 1917 г. направление культурного развития в татарских городских общинах постепенно изменилось — были

¹ Кадимизм (от араб. *кадим* — «старый») — консервативно-охранительное общественное движение среди мусульман Волго-Уральского региона в начале XX в. Кадимизм был ориентирован на сохранение и воспроизведение средневековых институтов и взаимоотношений личности и коллектива типа самодержавия и безусловного подчинения ишанам.

² *Имашева М. М.* Мусульманское предпринимательство Астраханской губернии в конце XVIII — начале XX в.: экономические и социальные аспекты развития. Астрахань: Издательство Сорокина, 2015. С. 76.

закрыты медресе и периодические издания, национализированы здания типографий и клубов, благотворительных учреждений. Официальная жизнь Казани с момента ее основания всегда была сконцентрирована в центральной части, находящейся по другую сторону от Булака, берущего начало на Кремлевском холме города. В Астрахани это территория за Варвациевским каналом, прилегающая также к местному Кремлю (то есть так же, как и в Казани, за пределами татарской слободы).

В обоих городах здесь располагались и во многом до сих пор располагаются органы власти, высшие учебные заведения, редакции печатных изданий, а с периода Гражданской войны в центральной части стали селиться ответственные партийные и советские работники, в том числе из татар. Нижняя (татарская) часть города Казани и территория астраханской махалли в советскую эпоху получили определенные преимущества, сохранив традиционную сетку улиц и дореволюционную застройку. Даже здания мечетей не разрушались, в них сносились минареты и они подлежали перепланировке прежде всего под социальные объекты жилого типа.

Ситуация радикально изменилась только в середине 1970-х гг., с началом новой застройки улицы Татарстан (в Казани), что привело к потере многих традиционных слободских особняков и замене их на современные дома. Новый этап разрушений, в рамках проводимой реконструкции Казани, пришелся на 2000-е гг., в результате в некоторых кварталах остались считанные дома дореволюционной постройки¹. Астрахани процесс реконструкции практически не коснулся.

В Казани так и не был выделен район или хотя бы кварталы, где запрещалось бы новое строительство. В Новотатарской слободе историческая застройка из жилых домов была практически уничтожена. В 2010-е гг. велась активная работа по выделению и благоустройству туристической зоны вдоль улиц Марджани и Насыри, ограниченной улицей Сафьян.

Эта часть Старотатарской слободы с новой набережной на берегу озера Ближний Кабан превратилась в хорошо узнаваемый историко-культурный ландшафт, своеобразный символ развития мусульманской городской цивилизации в Российской империи. В этот комплекс вошли здания жилых домов, мечетей Марджани и Апанаевской и соответствующих медресе. На перекрестке улиц Тукаевской и Парижской коммуны единый комплекс сейчас образуют здания Духовного управления мусульман Республики Татарстан (ДУМ РТ) и возрождённого медресе «Мухаммадия». В здании бывшего книгоиздательского и торгового

¹ Комеч А. И., Михайлов К. П. и др. Архитектура и ландшафты России. Черная книга. Утраты. М.: Искусство — XXI век, 2003. С. 5–15.

комплекса братьев Каримовых размещается целый ряд так называемых мусульманских магазинов и ателье.

В Новотатарской слободе центром религиозной жизни является медресе им. 1000-летия принятия Ислама, размещающееся в реконструированном здании «Низенькой Бухарской» мечети. Таким образом, мусульманская инфраструктура Казани, включая резиденцию ДУМ РТ, мечети, мусульманские учебные заведения, магазины, заведения халалного общественного питания, и — что новое — музеи, образует современный культурный ландшафт на месте прежних татарских слобод Казани.

Кварталы астраханской татарской городской общины в настоящее время сохранились почти в неизменном виде по сравнению с XX веком. Но крайне скудное финансирование городских программ благоустройства, общий упадок социально-экономической жизни в регионе не способствуют реализации и развитию культурно-национальных проектов. В 1990–2000-е гг. мусульманам были возвращены и отреставрированы (в основном за счет частных пожертвований) исторические мечети, больше никаких работ по восстановлению культурного ландшафта татарской махалли не проводилось. Хотя в силу сохранившейся аутентичной застройки XIX — начала XX в. у Астрахани по сравнению с Казанью больше возможностей для воссоздания культурно-исторического облика татарской городской общины и сохранения культурного ландшафта.

Литература

- Викторин В. М. Ислам в Астраханском регионе. М.: Логос, 2008. 91 с.
- Дахин С. Д. Историко-культурный ландшафт как основа комплексного анализа материального культурного наследия поликультурного региона // Теория и практика общественного развития. 2012. № 3. С. 187–190.
- Загидуллин И. Мусульманские (татарские) общины-города // История татар с древнейших времен: в 7 т. Т. 6. Казань: ИИ РТ, 2013. 1171 с.
- Зайцев И. В. Астраханское ханство. М.: Вост. лит., 2004. 303 с.
- Гмелин С. Г. Путешествие по России для исследования трех царств природы. Ч. II. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1777. 361 с.
- Измайлов Б. И. Татарская община г. Казани и российская власть: модели и механизмы реализации имперской политики в эпоху Екатерины II // Вторые Кремлевские чтения: материалы Всероссийской научно-практической конференции «Екатерина II и имперское многообразие России: опыт политического и культурного взаимодействия».

Казань, 25–26 сентября 2009 г. / под ред. И. Р. Миннуллина. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2010. С. 86–95.

Имашева М. М. Белая «татарская» мечеть города Астрахани // Эхо веков. Казань, 2017. № 3–4. С. 49–54.

Имашева М. М. Вопросы русско-азиатской торговли через Астрахань в первой половине XIX века. Саратов: Изд-во СГАУ, 2010. 247 с.

Имашева М. М. О предпринимательстве татар Бухарского, Гилянско-го и Агрыжанского дворов в конце XVIII — начале XIX в. // Каспийский регион. Политика, экономика, культура. Астрахань, 2012. № 3. С. 40–50.

Имашева М. М. Мусульманское предпринимательство Астраханской губернии в конце XVIII — начале XX в.: экономические и социальные аспекты развития. Астрахань: Издательство Сорокина, 2015. 186 с.

Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика) / сост. и авт. введ. ст., коммент. и прил. Д. Ю. Арапов. М.: МГУ, 2001. 366 с.

Каримуллин А. Г. У истоков татарской книги (От начала возникновения до 60-х г. XIX в.). Казань: Таткнигоиздат, 1971. 224 с.

Комеч А. И., Михайлов К. П. и др. Архитектура и ландшафты России. Черная книга. Утраты. М.: Искусство — XXI век, 2003. 464 с.

Крамаровский М. Город и городская жизнь в Золотой Орде // История татар с древнейших времен: в 7 т. Т. 3. Казань: ИИ РТ, 2009. 1056 с.

Медресе г. Казани XIX — начала XX в.: сб. документов и материалов. Казань: Гасыр, 2007. 318 с.

Рахимов И. С. Общественная и просветительская деятельность Абдурахмана Умерова (1867–1933): дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2013. 170 с.

Саначин С. Выявление месторасположения мечетей Казани елизаветинского времени (40–50 е гг. XVIII в.) // Мечети в духовной культуре татарского народа (XVIII в. — 1917 г.): материалы Всероссийской научно-практической конференции. 25 апреля 2006 г., г. Казань. Казань: Институт истории АН РТ, 2006. С. 25–42.

Салихов Р. Р., Хабутдинов А. Ю. Общество пособия бедным мусульманам г. Казани // Ислам в Татарстане: энциклопедический словарь. М.: ИД Медина, 2017. С. 185–186.

Салихов Р. Р., Хайрутдинов Р. Р. Республика Татарстан: Памятники истории и культуры татарского народа (конец XVIII — начало XX в.). Казань: Изд-во «Фест», 1994. 280 с.

Салихов Р. Р., Хайрутдинов Р. Р. Исторические мечети Казани. Казань: Тат. кн. изд-во, 2005. 191 с.

Трепавлов В. В. История Ногайской Орды. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2002. 752 с.

Хабутдинов А. Ю. Институты российского мусульманского сообщества в Волго-Уральском регионе. М.: Издательский дом Марджани, 2013. 337, [6] с.

Хабутдинов А. Ю. Формирование нации и основные направления развития татарского общества в конце XVIII — начале XX в. Казань, 2001. 383 с.

Хабутдинов А. Ю., Салихов Р. Р., Хайрутдинов Р. Р. Медресе Сагитовское // Ислам в Татарстане: энциклопедический словарь. М.: ИД Медина, 2017. С. 148.

Челеби Эвлия. Книга путешествия (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). Вып. 2 / сост. и отв. ред. А. Д. Желтяков. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1979. 288 с.

İnalçık, Halil. Osmanlı-Rus Rekabetinin Menşei ve Don-Volga Kanalı Teşebbüsü (1569). *Belleten*. C. 12. 1948. S. 349–402.

References

Arapov D. Yu. (Ed.) (2001). *Islam v Rossijskoj imperii (zakonodatel'nye akty, opisaniya, statistika)* [Islam in the Russian Empire (Legislative Acts, Descriptions, Statistics)]. Moscow: MGU. 366 p.

Dahin S. D. (2012). Istoriko-kul'turnyj landshaft kak osnova kompleksnogo analiza material'nogo kul'turnogo naslediya polikul'turnogo regiona [Historical and Cultural Landscape as a Basis for a Comprehensive Analysis of the Material Cultural Heritage of a Multicultural Region]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. 2012. No. 3. Pp. 187–188.

Zagidullin I. (2013). Musul'manskie (tatarskie) obshchiny-goroda [Muslim (Tatar) Communities-Cities]. *Istoriya tatar s drevnejshih vremen v 7 tomah*. Vol. 6. Kazan: II AN RT. 1171 p.

Zajtsev I. V. (2004). *Astrahanskoe hanstvo* [The Astrakhan Khanate]. Moscow: Vostochnaya literatura. 303 p.

Gmelin S. G. (1777). *Puteshestvie po Rossii dlya issledovaniya trekh carstv prirody* [Travel to Russia to Explore the Three Kingdoms of Nature.]. Part II. Saint Petersburg: Tipografiya Imperatorskoj Akademii nauk. 361 p.

Izmajlov B. I. (2010). Tatarskaya obshchina g. Kazani i rossijskaya vlast': modeli i mekhanizmy realizacii imperskoj politiki v epohu Ekateriny II [The Tatar Community of Kazan and the Russian Government: Models and Mechanisms for the Implementation of Imperial Policy in the Era of Catherine II]. *Vtorye Kremlevskie chteniya: materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Ekaterina II i imperskoe mnogoobrazie Rossii: opyt politicheskogo i kul'turnogo vzaimodejstviya»*. Kazan', 25–26 sentyabrya 2009 g. Kazan: Fan. Pp. 86–95.

Imasheva M. M. (2017). Belaya «tatarskaya» mechet' goroda Astrahani [The White “Tatar” Mosque of Astrakhan]. *Ekho vekov*. 2017. No. 3–4. Pp. 117–126.

Imasheva M. M. (2010). *Voprosy russko-aziatskoj trgovli cherez Astrahan' v pervoj polovine XIX veka* [On the Russian Trade with Asia Through Astrakhan in the First Half of the XIX Century]. Saratov: SGAU. 278 p.

Imasheva M. M. (2012). O predprinimatel'stve tatar Buharskogo, Gilyanskogo i Agryzhanskogo dvorov v konce XVIII — nachale XIX vv. [On Entrepreneurship of Tatars of Bukhara, Gilyan and Agryzhan Yards at the End of XVIII — Early XIX Centuries]. *Kaspijskij region. Politika, ekonomika, kul'tura*. 2012. No. 3. Pp. 40–50.

Imasheva M. M. (2015). *Musul'manskoe predprinimatel'stvo Astrahanskoy gubernii v konce XVIII-nachale XX vv.: ekonomicheskie i social'nye aspekty razvitiya* [Muslim Entrepreneurship in the Astrakhan Governorate in the Late 18th — Early 20th Centuries: Economic and Social Aspects of Development] Astrakhan: Sorokin. 178 p.

İnalçık Halil (1948). Osmanlı-Rus Rekabetinin Menşei ve Don-Volga Kanalı Teşebbüsü (1569). *Belleten*. C. 12. Pp. 349–402.

Karimullin A. G. (1971). *U istokov tatarskoj knigi* [The Roots of Tatar Book Tradition]. Kazan: Tatknigoizdat. 224 p.

Khabutdinov A. Yu. (2013). *Instituty rossijskogo musul'manskogo soobshchestva v Volgo-Ural'skom regione* [Institutions of Russian Muslim Community in the Volga-Ural Region] Moscow: Marjani. 337 p.

Khabutdinov A. Yu., Salihov R. R., Khairutdinov R. R. (2017). Medrese Sagitovskoe [The Sagit Madrasah]. *Islam v Tatarstane. Enciklopedicheskij slovar'*. Moscow: Medina. 148 p.

Komech A. I., Mihajlov K. P. and other (2003). *Arhitektura i landshafty Rossii. Chernaya kniga. Utraty* [Architecture and Landscapes of Russia. The "Black Book". Losses]. Moscow: Iskusstvo-XXI vek. 464 p.

Kramarovskij M. (2009). Gorod i gorodskaya zhizn' v Zolotoj Orde [Cities and Urban Life in the Golden Horde]. *Istoriya tatar s drevnejshih vremen v 7 tomah*. Vol 3. Kazan: II AN RT. 1056 p.

Rahimov I. S. (2013). *Obshchestvennaya i prosvetitel'skaya deyatel'nost' Abdurahmana Umerova (1867–1933)* [Public and Educational Activities of Abdurakhman Umerov (1867–1933)]. Thesis. Kazan. 170 p.

Sanachin S. (2006). Vyyavlenie mestoraspolozheniya mechetej Kazani elizavetinskogo vremeni (40–50 e gg. XVIII v.) [Looking for Disposition of Mosques in Kazan During the Epoch of Elisabeth of Russia (the 1740–1750s)]. *Mecheti v duhovnoj kul'ture tatarskogo naroda (XVIII v.— 1917 g.)*. *Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii (25 aprelya 2006 g., g. Kazan')*. Kazan: II AN RT. Pp. 25–42.

Salihov R. R., Khabutdinov A. Yu. (2017). Obshchestvo posobiya bednym musul'manam g. Kazani [The Muslim Charitable Association in Kazan]. *Islam v Tatarstane. Enciklopedicheskij slovar'*. Moscow: Medina. S. 185–186.

Salihov R. R., Khairutdinov R. R. (1994). *Respublika Tatarstan: pamyatniki istorii i kul'tury tatarskogo naroda (konec XVIII — nachalo XX v.)* [Republic

of Tatarstan: Monuments of History and Culture of the Tatar People (late 18th — early 20th Centuries)]. Kazan: Fest. 280 p.

Salihov R. R., Khairutdinov R. R. (2005). *Istoricheskie mecheti Kazani* [Historical Mosques of Kazan]. Kazan: Tatknigoizdat. 191 p.

Trepavlov V. V. (2002). *Istoriya Nogajskoj Ordj* [History of the Noghai Horde]. Moscow: Vostochnaya literatura. 752 p.

Viktorin V. M. (2008). *Islam v Astrahanskoy krae* [Islam in the Astrakhan Region]. Moscow: Logos. 91 p.

Zheltyakov A. D. (Ed.) (1979). *Chelebi Evliya. Kniga puteshestviya (Izvlacheniya iz sochineniya tureckogo puteshestvennika XVII veka)* [The Book of Travel (Extracts from the Writings of a Turkish Traveler of the 17th Century)]. Moscow: Nauka. 288 p.

TATAR SETTLEMENTS OF KAZAN AND ASTRAKHAN IN THE SECOND HALF OF THE 18TH — EARLY 20TH CENTURIES: CULTURE AND DEVELOPMENT

Abstract: The article deals with the history of formation and development of cultural landscapes of the two largest urban Tatar communities of pre-revolutionary Russia, namely of Kazan and Astrakhan. Both Astrakhan and Kazan are two centers of the Turkic–Tatar world, the history of which traces back to the Golden Horde. The both were the capitals of independent Tatar states-khanates and the both became in the middle of the XVI century the part of the Russian state. In the second half of the XVIII — early XX centuries, Tatar Muslim communities were formed in the both cities, which have had their own cultural and national identity. The Muslim population sought to preserve and develop their ethno-confessional identity. All these circumstances shaped a special cultural landscape of the Tatar settlement within the borders of the provincial Russian cities in the Modern age.

Keywords: cultural landscape, the Tatar Sloboda, Tatar urban community, mahalla, mosque.

Aidar Yu. KHABUTDINOV,

D. Sci. (Hist.), professor, Kazan branch of Russian State University of Justice
(7a, Novo-Azinskaya Str., Kazan, Republic of Tatarstan, 420053, Russian Federation).
E-mail: aihabutdinov@mail.ru

Marina M. IMASHEVA,

D. Sci. (Hist.), associate professor, Department of Historical
and Social Science Education, Kazan (Volga) Federal University
(18, Kremlevskaya Str., Kazan, Republic of Tatarstan, 420008, Russian Federation).
E-mail: imaschewa@yandex.ru

Mileusha M. KHABUTDINOVA,

Cand. Sci. (Philol), associate professor, Department of Tatar literature,
Kazan (Volga region) Federal University
(18, Kremlevskaya Str., Kazan, Republic of Tatarstan, 420008, Russian Federation).
E-mail: mileuscha@mail.ru